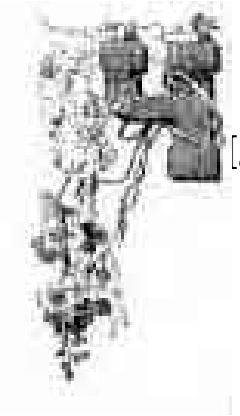
ЗЕРНО НА ДОБРУЮ ПОЧВУ.



Часу въ осьмомъ вечера, бабушка пила чай въ своей комнатѣ, по тому случаю, что сына и невѣстки не было дома; подлѣ нея сидѣла Аля за своей чашкой, изрѣдка поглядывая на разогнутую нѣмецкую книжечку, которую она привезла почитать съ бабушкой. Ей очень нравился разсказъ объ упавшемъ съ неба лепесточкѣ, и она пріѣхала подѣлиться имъ.

Саша съ Мишей, не понимая по–нѣмецки, забрались съ игрушками въ уголъ, и строили тамъ подъ стульями бесѣдку для куколъ и птицъ, да еще конюшню для лошадей голубаго гусара. Аля первая заслышала шелестъ шелковаго платья въ корридорѣ, вскочила на встрѣчу нежданнымъ гостямъ, но тутъ же въ дверяхъ столкнулась съ теткой Марьей Романовной, которая, разодѣтая какъ на балъ, плавно входила въ комнату, а за нею чопорно шли разряженныя куколками дочки ея, Зина съ Лизой.

— Вѣдь не ко мнѣ же ты такъ разодѣлась, Маша, шутливо спросила старушка.

— Нѣтъ, милая тетушка, я къ вамъ заѣхала на часокъ, мы ѣдемъ на дѣтскій вечеръ, отвѣчала Марья Романовна, усаживаясь подлѣ старушки.

— Тетя, а тетя! кричалъ Миша, проталкиваясь къ теткѣ, правда это, что Луи подарили настоящую живую лошадь?

— Тетя, правда это, что Ниночка будетъ учиться на конькахъ кататься, и что лѣтомъ ей также купятъ маленькую настоящую лошадку? спрашивала Саша.

— Не знаю, дѣти, не слыхала.

— А ты, тетя, узнай, да и разскажи намъ, сказалъ Миша, по привычкѣ своей говорившій со старшими, какъ съ равными.

Между дѣтьми зашли толки о ледяныхъ горахъ, конькахъ и салазкахъ; одному хотѣлось одного, другому нравилось иное; мысль о рѣзвомъ бѣгѣ по льду тѣшила дѣтей, и они стали придумывать, какъ бы имъ испытать эту забаву.

Старушка, изрѣдка поглядывавшая на шумную толпу, вдругъ спросила племянницу: «Здорова–ли Лиза?» Марья Романовна, съ недоумѣньемъ поглядѣвъ на тетку, подозвала меньшую дочь и спросила: развѣ у тебя что болитъ? Отрицательный отвѣтъ Лизы успокоилъ мать, но бабушка умѣла лучше вывѣдывать у дѣтей то, что имъ самимъ было неясно. Она взяла жавшуюся внучку за руку и спросила: «Тебѣ жарко, Лиза?»

— Ахъ нѣтъ, бабушка, мнѣ очень холодно, я весь день зябну.

— А здѣсь болитъ? спросила старушка, прикладывая руку Лизѣ къ лбу.

— Нѣтъ, бабушка, тутъ не очень болитъ, а вотъ, когда я пила чай, то мнѣ было больно глотать.

Выслушавъ Лизу, старушка повернулась къ племянницѣ и сказала ей: «Маша, я тебѣ не совѣтую вывозить ребенка на воздухъ въ такомъ положенiи, у нея то что зовутъ доктора катаральной лихорадкой; оставь ее у меня дня на три, можетъ быть это и пройдетъ безъ врачебныхъ пособiй.»

Марья Романовна, напуганная смертью меньшой дочери, охотно согласилась на это предложенiе, и это былъ большой праздникъ для всѣхъ дѣтей. Радостная Саша, взявшись съ Лизой за руки, побѣжала помочь ей переодѣться.

— Не забудьте занавѣсокъ, закричала Сашѣ вслѣдъ бабушка.

— Какъ же, какъ же, бабушка! отозвалась Саша, и шторки спустимъ, и дверь на задвижку запремъ!

Дѣти стали прiучаться къ порядку, съ тѣхъ поръ, какъ поселилась у нихъ бабушка; даже Миша не бѣгалъ болѣе полуодѣтый по дому, и не сзывалъ прислуги, чтобы обуться или умыться; имъ купили низенькiе умывальные столики съ подножкой, отъ нажима которой вода лилась широкой, свѣтлой струею въ пригоршни и они охотно сами плескались и полоскались. При одѣваньи же и раздѣваньи, дѣти, по наставленью бабушки, очень совѣстливо наблюдали, чтобы занавѣски были спущены и двери притворены.

Марья Романовна уѣхала съ Зиной, Аля принялась было читать бабушкѣ разсказъ Андерсена, но вбѣжавшія дѣти опять ей помѣшали.

— Бабушка, скажи пожалуста, развѣ дьяконъ въ церкви все по–русски читаетъ? спрашивала Саша. Лиза говоритъ, что по–русски, а я думаю, что не все по–русски потому что инаго нельзя понять.

Дѣвочки стали передъ бабушкой, ожидая ея рѣшенія.

— Священникъ, дьяконъ и весь причтъ читаютъ церковную службу не на нашемъ, русскомъ языкѣ, а на славянскомъ, и мы, вслушиваясь и вникая, не учась понимаемъ его, потому что нашъ языкъ произошелъ отъ общаго славянскаго и къ нему весьма близокъ; поэтому мы, съ небольшимъ навыкомъ, можемъ понимать и другіе языки родныхъ намъ славянскихъ племенъ, которые разбросаны посреди Европы; большая часть племенъ этихъ покорена небольшимъ Австрійскимъ герцогствомъ, и вмѣстѣ съ нимъ называются Австрійскою имперіей.

— Бабушка, Австрійская имперія большая? спросили дѣти.

— Съ славянскими землями велика.

— Бабушка, вотъ ихъ зовутъ славянами, а отчего же насъ зовутъ русскими? спросили меньшія дѣвочки.

— И у нихъ, дѣти, есть свои особенныя имена, чтобы отличить одно племя отъ другаго; они зовутся болгары, сербы, чехи, хорваты, словаки, черногорцы, галицкіе руссы и проч.

— Если бы къ намъ пришелъ сербъ, онъ бы понялъ, что мы съ тобою говоримъ?

— Съ непривычки, онъ понялъ бы, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое; но дай ему эту книгу, сказала бабушка, придвигая къ себѣ Евангеліе, и онъ пойметъ ее всю, съ начала до конца, такъ же хорошо, какъ и я ее понимаю.

— Неужели, спросила Аля, каждый сербъ, чехъ и болгаринъ пойметъ наше Евангеліе?

— У всѣхъ почти славянъ слово Божіе писано на одномъ языкѣ; болгаринъ даже легче нашего пойметъ его, потому что оно

переведено съ греческаго Кирилломъ и Меѳодіемъ, болгарскими монахами, на тогдашній болгарскій языкъ.

— Бабушка, а вѣдь это весело думать, что у насъ есть что нибудь одно съ ними, и мы всѣ это одинаково любимъ! Не правда ли, бабушка, это весело? ласково спрашивала Аля, умильно заглядывая старушкѣ въ глаза.

Нѣжно и тихо усмѣхнувшись на эту задушевную рѣчь внучки, старушка молча поцѣловала Алю.

— Бабушка, и они насъ любятъ? спросила Саша.

— Кто, дружокъ?

— Да они всѣ, тѣ люди, про которыхъ ты говорила, тѣ... что ты называла роднею нашей, поясняла Саша, не могшая припомнить названій разныхъ славянъ.

— А ты ихъ любишь? спросила старушка.

— Я? сказала удивленная Саша: — бабушка, я ихъ совсѣмъ не знаю!

— Правда, моя дѣвочка, и нельзя любить того, чего не знаешь; думаю, что и они насъ

знаютъ немного поболѣе твоего! А все–таки, сказала старушка, поворачиваясь къ старшей внучкѣ, отрадно, дружокъ, что есть между народами такая высокая связь, какова у насъ съ родными намъ славянскими племенами.

Полубольная Лиза мало участвовала въ этомъ разговорѣ; она сидѣла на диванѣ, подобравъ подъ себя ноги; ей было такъ хорошо и свободно, въ Сашиной теплой, кашемировой блузочкѣ; ей думались тѣ счастливые дни, которые она теперь здѣсь пробудетъ. Вскорѣ подсѣла къ ней Саша; и Аля уже готова была взяться за Андерсена, но сестры ея, надумавъ что–то, обратились опять къ бабушкѣ съ вопросомъ.

— Бабушенька, почитай мнѣ немножко изъ твоего Евангелія; Лиза говоритъ, что если я хорошенько вслушаюсь, то пойму. Такъ упрашивала Саша свою терпѣливую бабушку. Въ Лизѣ замѣчательно развивалась способность къ языкамъ; никто не училъ ее церковной грамотѣ, а она довольно порядочно читала ключницѣ вслухъ псалтырь; никто не толковалъ ей

значенье словъ или оборотовъ, а она ихъ уже на столько понимала, что слушала славянскій языкъ, забывалась и принимала его за свой родной, русскій.

Саша придвинула Евангеліе, открывъ на своей закладкѣ; бабушка перевернула нѣсколько листковъ, потомъ прочитала внятно, съ разстановкой, изъ десятой главы Маркова Евангелія: «И приношаху Ему дѣти, да коснется ихъ, ученицы же прещаху приносящимъ. Видѣвъ же Іисусъ, негодова, и рече имъ: оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ, тацѣхъ бо есть царствіе Божіе». Прочитавъ это, старушка посмотрѣла на удивленую Сашу.

— Ну, Саша, закричала Лиза, развѣ это не все равно, что по–русски, развѣ ты этого не понимаешь?

— Конечно по–русски, бойко закричалъ Миша, которому слова показались знакомыми, а о смыслѣ онъ не заботился.

— Прочитай, душечка бабушка, еще разъ, сказала недоумѣвающая Саша, которую поразило что–то въ выговорѣ, да и самый смыслъ она не совсѣмъ поняла.

Почти на первыхъ словахъ она остановила старушку, вопросомъ: это что значитъ, и приношаху и прещаху?

— По нашему, отвѣчала бабушка, приношаху значитъ приносили, а прещаху — значитъ запрещали.

Потомъ дѣвочка остановила ее на словѣ тацѣхъ.

— Тацѣхъ, значитъ такихъ; на славянскомъ языкѣ буква к часто замѣняется буквою ц, когда говорится о многихъ; по–русски говорится: ученики, а по–славянски ученицы; по нашему руки, а по–славянски руцѣ. Пока бабушка читала и толковала, Саша все тянулась и слѣдила за пальцемъ старушки; замѣчая же, что она, прежде чѣмъ выговорила для примѣра руцѣ, что–то прочла про себя, дѣвочка попросила прочесть тѣ строки вслухъ; и старушка прочитала медленно: «и объемъ ихъ возложъ Руцѣ на нихъ, благословляше ихъ», и тотчасъ же перевела это такъ: Господь обнялъ дѣтей, и положа на нихъ руки, благословилъ ихъ.

— Бабушка, это кто обнялъ дѣтей? Богъ–то?

— Да, Мишенька, Господь обнялъ и благословилъ ихъ.

— А за что Онъ обнималъ и благословлялъ ихъ? спрашивалъ удивленный мальчикъ.

— За то, дружокъ, что ихъ обижали, гнали, недопускали къ Господу, а Онъ любитъ и жалѣетъ всѣхъ людей, особенно тѣхъ, кого обижаютъ; Онъ всегда заступается за нихъ и утѣшаетъ ихъ.

— Бабушка, это очень хорошо! говорилъ Миша, все ближе и ближе становясь къ старушкѣ; а дѣти Его очень любили? горячо допрашивалъ мальчикъ, прижимаясь къ бабушкѣ и оттѣсняя Сашу: — да Саша, пусти сказалъ онъ наконецъ, оттолкнувъ сестрицу и ставъ на ея мѣсто.

— Какъ же не любить! разумѣется любили, и слушались Его, и никогда не отгоняли и не отталкивали другъ друга, чтобы стать на чужое мѣсто, прибавила старушка, пристально глядя на Мишу. Господь велитъ заботиться другъ о другѣ,

никого не обижать, говорить правду, не лгать; кто изъ дѣтей слушается Его, того Онъ и любитъ.

— Вѣдь ужь Богъ теперь на небѣ! сказалъ Миша въ раздумьи, ужь Онъ болѣе не здѣсь!

— Это, Мишенька, все равно: Богъ одинаково видитъ, слышитъ и знаетъ все, что мы дѣлаемъ, слушаемся Его или нѣтъ, обманываемъ, обижаемъ кого, или заботимся другъ о другѣ; все это Онъ видитъ точно такъ какъ бы стоялъ здѣсь, передъ нами.

Миша, взглянувъ на Сашу, посторонился немного, давая ей мѣсто, потомъ, надумавшись, вдругъ воскликнулъ: «А когда у меня няня на ночь гаситъ свѣчу, вотъ тогда ужь темно, такъ что Богъ меня не видитъ!»

— Видитъ и тогда, дружокъ, для Его очей и темная ночь ясна, какъ день! И не только видитъ тебя, но знаетъ все, чего тебѣ хочется, и о чемъ ты думаешь; обидишь ли кого, и опомнясь, пожалѣешь и поправишь вину свою, Господь видитъ и

душу твою, и дѣло, и благословитъ тебя также, какъ благословлялъ евангельскихъ дѣтей, сказала старушка, обнимая и цѣлуя внука, который еще крѣпче къ ней прижался, когда она при этомъ шепнула ему что–то на–ухо, напомнивъ, какъ онъ толкалъ сестру, но вскорѣ опомнясь, посторонился.

Пришла няня звать дѣтей спать, но пришла не впопадъ: всѣмъ имъ показалось это слишкомъ рано, имъ бы хотѣлось еще послушать, еще о многомъ спросить, но о чемъ именно спросить, они и сами не знали!

— Пора, дѣтки, вы и то пересидѣли, сказала бабушка, а если что надумаете, то спросите завтра. Начались нескончаемыя дѣтскія прощанья: вотъ, кажется, одинъ кончилъ, началъ другой обниматься, анъ нѣтъ, Миша видно не допростился, опять начинаетъ снова. Саша кончила и хотѣла уже идти вслѣдъ за Лизой въ дѣтскую, а Лиза, взглянувъ на свою чистенькую кроватку подлѣ Сашиной, побѣжала благодарить бабушку за то, что она оставила ее у себя.

— Идите дѣти, идите, Господь съ вами, давно пора спать!

— Ужь нечего дѣлать, сказалъ Миша, опустивъ голову, надо идти! Прощай, бабушка, продолжалъ онъ, обнимая въ третій разъ усталую старушку, и потомъ примолвилъ: ты не безпокойся, бабушка, у меня занавѣски спустятъ, когда стану раздѣваться, и дверь затворятъ.

Только–что оправилась и усѣлась бабушка, а Аля принялась за книжку, какъ вбѣжала Саша въ одной юбочкѣ, ночной кофточкѣ и чепчикѣ, а за нею слѣдовала въ такомъ же нарядѣ Лиза. Увидавъ дѣтей, старушка спросила: что у нихъ случилось?

— Ничего, душечка, совсѣмъ ничего, успокоивала Саша; мы вотъ съ Лизой толковали, да и пришли тебя спросить: какъ Господь говорилъ съ дѣтьми; по–славянски, или по–русски?

— Ахъ вы, дурочки, да вѣдь это можно бы спросить и завтра! сказала бабушка, заботливо поглядывая на столовые часы, — посмотрите, ужъ сорокъ минутъ десятаго, идите лучше спать!

— Бабушка, вступилась Аля, позволь имъ сегодня еще посидѣть, имъ приходится же иногда сидѣть въ гостяхъ до одиннадцати часовъ.

Дверь Мишиной комнатки громко хлопнула, и вотъ онъ самъ, полуодѣтый, явился въ корридорѣ, заглядывая къ бабушкѣ въ дверь.

— Что, и ты, молодецъ, поспѣлъ? да никакъ босикомъ, спросила бабушка, взглядывая на Мишу, которому всячески хотѣлось скрыть эту неисправность, — поди, поди, голубчикъ, одѣнься хорошенько, и тогда приходи. Ужь видно вамъ, дѣтки, придется просидѣть до десяти часовъ.

— Бабушка, а сестры–то? спросилъ Миша, поглядывая на дѣвочекъ.

— Что же, дружокъ, сестры твои, хотя и въ утреннемъ нарядѣ, но одѣты прилично, а ты прибѣжалъ босикомъ, распояской; иди же, иди скорѣе, я подожду тебя!

— Ну, смотри же, бабушка, подожди меня, я сейчасъ!

Старушка накинула на Лизу свой платокъ, и когда дѣти собрались, она начала такъ: — Вы спрашиваете, на какомъ языкѣ говорилъ Господь съ маленькими дѣтьми; вѣроятно на томъ языкѣ, который они всѣ знали, то–есть на ихъ природномъ языкѣ, иначе бы они его не понимали.

— А какой же былъ ихъ языкъ? спросили дѣти въ три голоса.

— Еврейскій, языкъ Авраама, Іосифа, Моисея и царя Давида.

— А не русскій? медленно проговорилъ Миша.

— Во времена Господни, не только русскаго языка, но и самихъ русскихъ еще и въ поминѣ не было, отвѣчала старушка.

— Бабушка, меня очень удивляетъ, отчего Господь жилъ и родился у евреевъ; чѣмъ же они были лучше другихъ народовъ? спросила Аля, они убили Господа и убивали Его пророковъ!

— Да уже тѣмъ были они лучше, моя Аличка, что сберегли ветхозавѣтное слово Божье и что между ними были люди, ждавшіе пришествія Господня!

— Такъ Господь не съ нами жилъ, вздохнувъ сказала Саша, а я думала, Онъ нашъ!

— И Онъ нашъ, и мы Его. Господь пришелъ на землю не для одного народа, а для всѣхъ; если евреи Его распяли, то язычники съ радостью приняли Его ученье, назвались, по Его имени, христіанами, и многіе изъ нихъ пожертвовали жизнію за имя это и за святое ученье Христа, которое зовутъ христіанской вѣрой. Вѣрѣ этой учили апостолы, то–естъ ученики Господни, которые вездѣ сопровождали Его, видѣли все, что Онъ дѣлалъ, слышали все, чему училъ, и по вознесеніи Его на небо, пошли учить въ тѣ земли, гдѣ народъ, по отдаленности своей, не могъ видѣть и слышать самого Господа. Почти всѣ они умерли мученической смертью. Четверо апостоловъ написали все то, что видѣли и слышали отъ Господа; эти четыре списка называются: радостью, благою вѣстью, а по–гречески Евангеліемъ. Звали же этихъ четырехъ евангелистовъ: Матѳеемъ, Маркомъ, Лукой и Іоанномъ; писали они,

одни по–еврейски, другіе по–гречески; греческій языкъ былъ тогда самый общій и любимый всѣми народами; для насъ же, какъ я сказала, Евангеліе переведено на славянскій. Съ Рождества Христова прошло восемнадцать съ половиною вѣковъ, а въ каждомъ вѣкѣ сто лѣтъ; если же считать годами, то будетъ тысяча восемьсотъ лѣтъ, да изъ девятнадцатаго вѣка мы уже прожили семьдесятъ три года. Такъ вотъ, дѣти, сколько лѣтъ прошло съ Рождества Христова! Ну, теперь полно намъ толковать, пора спать!

И бабушка поднялась съ мѣста, спроваживая дѣтей въ постели.

— А съ тобой, дитя мое, намъ сегодня неудалось почитать, говорила старушка Алѣ, до другаго раза.

— Не удалось, душечка! да я къ тебѣ скоро пріѣду, папочка очень любитъ, когда ты зовешь насъ къ себѣ, и дядя также, и тетя Ольга Борисовна. Знаешь ли, бабушка, мы бы къ тебѣ еще чаще ѣздили, да папа боится, что ты устаешь съ нами!

— Нѣтъ, Аля, скажи отцу, что для меня радость и отдыхъ быть съ вами, задумчиво отвѣтила бабушка, прощаясь со внучкой.

Дѣти разошлись; старушка походила еще съ четверть часа по комнатѣ, передумывая разговоръ свой со внуками; потомъ, подойдя къ столу, бережно закрыла Евангеліе и вздохнувъ изъ глубины души, сказала: «Пошли, Господи, доброе сѣмя на добрую почву!»